

УЧЕНЫЙ И ЕГО БИБЛИОТЕКА В XVIII ВЕКЕ

(Книги неперменного секретаря Академии наук,
члена Академии г Безье
Жана Жака Дорту де Мэрана)

Д Рош

... ли библиотека отражает личности ее владельца? На
... вопрос зачастую можно ответить утвердительно. Индивиду-
... характер, сообщенный библиотеке ее хозяином, может быть
... дружен историком, так как любое собрание книг раскрывает
... интересы увлечения и даже причуды. Историк в состоянии
... узнать то внутреннее побуждение, которое некогда заста-
... владельца библиотеки не только прочесть ту или иную книгу,
... и сохранить ее в своем собрании¹. Перечисленные в тщательно
... составленном торговом каталоге или в беглой и неумелой описи
... имущества, классифицированные опытным книжным экспертом
... и слабо разбирающимся в книгах клерком эти давно прочитан-
... книги рассказывают сегодня об очень многом. Конечно, они
... передают часть той жизни, которой они, казалось, жили в упорядо-
... нной коллекции своих прежних владельцев, но взамен они обрели
... новую жизнь, совершенно непохожую но интересную и еще до
... сих пор неизученную.

Книги старых библиотек рассказывают о большой и сложной
... борьбе идей в обществе. Они характеризуют не только индивиду-
... альные, но и общественные взгляды и вкусы. При этом, конечно,
... необходимо соблюдать осторожность в выводах. Следует помнить, что
... ценность старинных книг имеет скорее относительное, чем абсо-
... лютное значение. Оно дает не столько точные сведения, сколько
... возможности для сравнения. Результаты такого исследования цен-
... нее скорее в сопоставлении с данными о других библиотеках,

¹ «Livre et Société dans la France du XVIIIe siècle» Paris, 1965
A. Dupront Postface)

чем сами по себе. Недостаточно подсчитывать книги, необходимо еще поразмыслить об их удивительной или, наоборот, обычной судьбе².

Напрашивается следующее соображение. Обращаясь к количественной описи какой-либо библиотеки, мы имеем перед собой перечень книг, которыми владел ее хозяин, но не можем судить, какие из этих книг он действительно прочел. Однако не следует забывать, что само по себе обладание книгой уже свидетельствует о вкусах ее владельца, ибо «прежде, чем приобрести книгу, надо было выбрать ее из множества других»³. Найти в собрании то или иное сочинение — значит обнаружить какой-то этап его истории.

Бросается в глаза и другое обстоятельство. Любая библиотека имеет свою историю, всякое собрание подвержено неприятностям. Смерть собственника может обречь книги на безразличное отношение или сделать их жертвой жадности наследников и торговцев. Ценность некоторого числа книжных сокровищ может затмить остальные книги, представляющие меньший интерес, и в конечном счете отразиться на их судьбе.

В нотариальных описях мы находим много примеров торгаческого или равнодушного отношения к культурному наследию. Инвентаризованные оптом дешевые романы, широко распространенные молитвенные книги, брошюры и тексты, по своей рыночной стоимости, красноречивы только своим количеством. Вкусы наследников или невежество человека, производящего инвентаризацию, могут оказаться непреодолимым препятствием на пути исследователя.

Однако иногда ученым помогает случай.

20 февраля 1771 г. умер в Лувре бывший непререкаемый старейшина Академии наук Жан Жак Дорту де Мэран⁴. 19 июля 1771 г. его наследница по завещанию г-жа Жоффрен пустила в продажу 3400 томов его библиотеки. Так как других наследников у де Мэрана не было, библиотека, каталог которой был составлен в виде книжного магазина «Вдова Барруа и сын», была продана за 18 тысяч ливров⁵. Почему знаменитая хозяйка философа

² См.: A. Dugont. Op. cit., p. 213—215.

³ Там же, стр. 213.

⁴ «Mémoire de Vachautmont», t. V, p. 24. «Этот академик, известный всему научному миру Европы, в возрасте 91 года почувствовал болячку... Это вызвало серьезные опасения за жизнь старика, но все обошлось... Вечером 20 февраля 1771 г. де Мэран скончался в возрасте 94 лет. Он всегда вел размеренный образ жизни...»

⁵ Каталог библиотеки Дорту де Мэрана, изданный в 1771 г. в Париже, насчитывает 198 стр. Секретарь Академии г. Бэзье г-н Рос любезно показал мне его, и я пользуюсь случаем поблагодарить его.

да решила продать библиотеку? Быть может, ей показалось нецелесообразным это громоздкое наследство или библиотека не заинтересовала ее в силу своей научной специализации? Во всяком случае благодаря этому обстоятельству до нас дошли полные сведения о составе библиотеки Дорту де Мэрана.

Из мемуаров Башомон² мы узнаем, что Дорту де Мэран был достаточно знаменитой личностью, для того чтобы его книги привлекли внимание на аукционе. Сам факт, что покупатель пожелал приобрести все собрание целиком, достаточно говорит о ее ценности. Это была библиотека одного из самых выдающихся людей науки и литературы, известного в национальном масштабе, а также в масштабе всей Европы, и современники не хотели, чтобы эта библиотека перестала существовать как единое целое. Поэтому ее исследование приобретает особое значение.

Библиотека является образцом коллекции, собранной в течение трех четвертей века — с тех самых пор, когда молодой провинциальный ученый приезжает в Париж, до момента его смерти. Он был и жизнерадостный старец, каким рисуют его мемуары Башомон, ведущий размеренный образ жизни, но всегда активный и деятельный, он приобретал книги всю свою жизнь и прекратил приобретать их только тогда, когда пришла смерть. В 1771 г. он еще успел приобрести только что появившуюся работу аббата Нолле об опытах.

Первый шаг к изучению библиотеки напрашивается сам собой: проследить, как хронологически формируется библиотека, анализируя если не основные этапы ее создания, то по крайней мере основные слои ее состава в зависимости от дат издания, данных на 97% работ⁶. В результате мы получим кривую, которая покажет нам не только в общих чертах, но и с достаточно большими подробностями типичную для того времени культурную среду ученого — ее объем, место, которое занимают в ней знаменитые наследованные от предшествующих поколений и, наконец, пробелы.

Книги, полученные в наследство от родителей, не должны занимать в его библиотеке значительное место. В самом деле, если молодой Дорту де Мэран и была семейная библиотека (а у нас об этом никаких сведений), то, переезжая в Париж, он, конечно, увозил с собой только интересующие его книги. Хотя Мэран и

⁶ 3367 работ только для 85 (т. е. 2,9%) дата издания не установлена. Для книг на латинском языке этот процент несколько выше — 3,5%.

был очень долго, практически до конца жизни, связан с Безье стал настоящим парижанином, и его библиотека говорит об влиянии столицы, чем о влиянии провинции. Если библиотека свидетельствует о каких-то семейных традициях, то только о которые отвечали его личным интересам и склонностям.

Итак, мы можем разделить книги, входящие в состав библиотеки, на несколько категорий. Мы в состоянии также определить какое место занимают в каждой из этих категорий книги, издаваемые в том или ином крупном книгоиздательском центре. Если нанести эти данные на карту, мы получим своеобразную «индивидуальную географию» каждой книги, причем, их перемещений покажут культурные связи в мире Просвещения. Место издания указано для 86% всех книг, вероятность ошибок минимальна.

Деление на большие категории⁸ и обычные рубрики не мешает провести, кроме того, и дополнительный раздел между книгами на латинском языке и на разговорных языках. У Дорту де Мэра было 1200 книг на латинском языке и некоторое количество на греческом. Активное участие в научной жизни своего времени совершенно не означает отказа от традиций. Надо лишь уточнить, о каких традициях идет речь. Необходимо также учитывать традиции на иностранных языках. Задачей данного исследования как является попытка определить культурные вкусы и научную ориентацию Дорту де Мэрана, а также установить соотношение между книгами, содержащими старые, традиционные знания, и произведениями, находящимися на уровне последних достижений. Может быть, это исследование основано на несколько более тонких данных, чем это обычно бывает. Хотя мы и не можем установить было ли некоторое число книг расхищено до продажи, все же положительным фактором в этом отношении является относительно короткий срок, прошедший с момента смерти Дорту де Мэра до продажи его библиотеки: около 3400 работ были тщательно инвентаризованы, а каталог отпечатан и пущен в продажу — это менее, чем за 4 месяца. Отсутствие прямых наследников также каких бы то ни было следов чисто любительской классификации также говорит за то, что коллекция сохранила свою целостность. Торговая стоимость собрания должна была возрасти при условии гарантии сохранности, вероятно, известной до про-

⁷ См.: «Bulletin de la Société Archéologique, Scientifique et Littéraire de Béziers. Deuxième série», t. II. Béziers. 1860 (далее — «Bulletin...»). inédites de Mairan à Bouillet. Notice de M. Camp, p. 8, 9.

⁸ В данной статье мы пользуемся категориями, разработанными для XVIII в. в уже упоминавшемся сборнике «Livre et société dans la France du XVIII-e siècle».

любая осторожность в выводах, мы тем не менее можем считать, что сведения, которые дает нам изучение этого собрания, позволяют судить об интересах данного человека, а через него — в той-то мере и общества. Дать описание книг Дорту де Мэрана — возможно, означает также «обнаружить» часть той «идеальной библиотеки», о которой мечтали ученые и писатели XVIII в. Кем был Дорту де Мэран? Почти полное его забвение сегодня контрастирует с той популярностью, которой он пользовался в свое время⁹. Достаточно хорошо известна его карьера, но намного меньше — он сам и его мысли¹⁰. А между тем его интеллектуальный и естественный путь заслуживает внимания¹¹. Интересно также поинтересоваться, каким было его материальное положение, позволившее приобретать книги и на протяжении 60 лет создать такую библиотеку.

Прежде всего Мэран — провинциал, уроженец Лангедока, а его судьба — это судьба многих провинциалов. Он родился в 1678 г., и те времена ничто не предвещало его парижской карьеры. Он принадлежит к одной из тех буржуазных семей, которые медленно но неуклонно поднимались по социальной лестнице. Его семья берет начало от одной из самых старинных в г. Безье, а это означает, что, согласно традиции, начиная с XVI в. из нее выходит большое число нотариусов, прокуроров, адвокатов и советников в гражданском и уголовном судах. В конце XVII в. отец Жана Жака Дорту был адвокатом, владельцем дворянских земель — сеньории и фьефа; в начале XVIII в. возможно, он получил дворянство¹². Д'Озье во всяком случае отмечает, что он претендовал на дворянские привилегии. Однако, нам неизвестно, как сам Дорту де Мэран относился к этому вопросу. Мы знаем только, что он дорожит «дворянским добавлением» к своему имени, вынужденный продать имение Пюи де Мэран, он делает требуемые обычаями оговорки, позволяющие ему и впредь называться «де Мэран»¹³. Следовательно, в социаль-

Библиографические сведения о Дорту де Мэране см. «Biographie Universelle Michaud», t 26, «Dictionnaire des Lettres Françaises» Paris, 1951, t 2, «Grande Encyclopédie», t 22.

1. Abbé Sabatier *Eloge de Dortous de Mairan* Montpellier, 1868, p. 1.

2. Camp *Eloge de Dortous de Mairan Beziers*, 1860, B J Duboul.

3. Dortous de Mairan *Mémoires de l'Académie de Bordeaux* Bordeaux, 1862, t. 1.

4. A. Ros *Communication à la Société Archéologique, Scientifique et Littéraire de Béziers* (рукопись, любезно предоставленная мне автором).

5. Ros *Op cit*, p II—III.

6. Письмо Буйе от 16 июня 1730 г. «Я забыл вчера поговорить с вами об имении Пюи де Мэран, которое я пошу и под которым известен Самойбой; разумеется, что я не собираюсь от него отказываться после покупки земель, носящих то же название» («Bulletin», p 189).

Ном плане этот человек занимает промежуточное положение между «служилой» буржуазией и мелким дворянством. Эти факты заслуживают упоминания, однако не надо преувеличивать их значение. В 16 лет, оставшись круглым сиротой, он покидает Бельгию, чтобы отправиться в Тулузу и Париж. В столице Лангедока получает гуманитарное образование, в столице королевства, известное с 1698 г., начинает изучать математику и естественные науки. Мы ничего не знаем об условиях его учебы. Но, чтобы быть здесь уместно напомнить, что его семья была протестантского вероисповедания, что в конце XVII в. она перешла в католичество и что поэтому он пользуется покровительством монсеньора Руссо, епископа Безье¹⁴, который видел в нем не только молчаливого и прилежного сироту, но и сына гугенотской семьи, вернувшегося в лоно церкви.

К Безье его привязывают не только семейные и дружеские связи, но и необходимость управлять своим имуществом. С Мэраном имеет дом в городе, небольшой участок земли под названием Трезорьер, часть которого называлась Пюи де Мэран, и ферма в Сесеноне¹⁵. Дорту де Мэран никогда не будет выглядеть бедным. У него есть имущество, незначительное конечно, но достаточное, чтобы обеспечить ему после смерти его матери регулярные доходы. Это мелкий собственник, который аккуратно платит налоги¹⁶, заботится о своих «рантье» и беспокоится о судьбе своих оливковых деревьев¹⁷. Но вместе с тем чувствуется, что он слишком стремится к приумножению своего состояния. Он гордится тем, что владеет землей, и не испытывает особой заинтересованности к своим владениям, в которых никогда не живет и от которых избавится как только сможет. «В этих делах я ничего не предпринимаю... Я предпочитаю десять раз сходить на улицу Сен Жюста за книгами для Вас, чем два раза — к приказчикам и банкирам». Мэран — это ученый, интеллигент, для него денежные вопросы имеют особого значения. «200 ливров больше или меньше не имеют большой разницы для моего состояния, как бы невелико оно было»¹⁹.

Конечно, Мэран отнюдь не сорит деньгами. Наоборот, он бережлив, чудесно соединяет практицизм, унаследованный от бу

¹⁴ См.: A. Ros. Op. cit., p. III—IV.

¹⁵ См.: E. Camp. Op. cit.; A. Ros. Op. cit., p. IV—V.

¹⁶ Lettre de Mairan à Bouillet, 17.II 1737.— «Bulletin...», p. 171.

¹⁷ Lettre de Mairan à Bouillet, 20.V 1734 et 17.II 1737.— «Bulletin...», p. 171.

¹⁸ Lettre de Mairan à Bouillet, 4.VI 1726.— «Bulletin...», p. 73.

¹⁹ Lettre de Mairan à Bouillet, 17.II 1737.— «Bulletin...», p. 171.

ей семейной традиции, с несомненным великодушием и своего сознательным стремлением к скромности в быту. Неудобно жить имущественно, находящимся в двухстах лье от хозяина, и он не хочет, чтобы арендаторы, пользуясь этим, его обманывали. Но он не алчный человек и не желает также слишком сильно выснять своих должников. Когда ему не хватает денег, он пишет 20: «Я прошу Вас ни с чем не торопиться и никого не затруднять, чтобы прислать мне то, что мне причитается. Какую бы нужду в деньгах я ни испытывал, я, может быть, легче смогу выйти из положения, чем те, на кого Вы будете давить...» Известны и его многочисленные акты милосердия 21.

Любопытно, что при этом несомненном бескорыстии финансовые дела в его переписке с Буйе занимают значительную часть: в чем в восьмидесяти письмах из ста говорится о деньгах. Однако в большинстве случаев речь идет не о его собственных интересах, а об интересах его друга 22.

Порту де Мэран — человек скромного достатка. Совершенно невозможно подсчитать его доход и определить точную сумму его состояния, но можно попытаться все-таки составить об этом некоторое представление. Он получает пенсию академика порядка 1000 ливров и пособие от казначейства, приблизительно в 900 ливров, унаследовал ренту в 90 ливров с налогов и пошлин Монпелье, которую получал довольно нерегулярно 24. Из письма Буйе от мая 1734 г. явствует, что у него была рента с городской ратуши в Парже 25. Таким образом, начиная с 1720 г. он получал в общей сложности доход по крайней мере в 2000 ливров. К этому добавляется около 800 или 1000 ливров, получаемых от земельных рент, которые служили обычно для уплаты налогов и повинностей 26. В 1729 г. он продает свое имущество в Сесеноне, а в 1734 г. — Трезорьер. Совершенно несомненно, что Мэран твердо

Лит. по: E. Camp, Op. cit., p. 13.

lettres de Mairan à Bouillet, 5.I 1764 et 28.IV 1765. — «Bulletin...», p. 212—213, 220.

Парже Мэран получал для Буйе пособие, которого последний добился от королевской казны, и на эту сумму он ему покупал интересующие его книги. В Безье Буйе вел дела Мэрана, собирал ренту, контролировал «дворян», фермеров, и когда Мэран продавал свою собственность, то Буйе осведомлялся о возможных покупателях (см., например, письмо от 30.IV 1729 г. — «Bulletin...», p. 108).

lettres de Mairan à Bouillet, 20.II 1727. — «Bulletin...», p. 74.

lettres de Mairan à Bouillet, 3.VIII 1730. — «Bulletin...», p. 13.

lettres de Mairan à Bouillet, 20.V 1734. — «Bulletin...», p. 140.

lettres de Mairan à Bouillet, 3.VIII 1730, 20.V 1734, 30.IV 1729, 17.II 1737. — «Bulletin...», p. 108, 171.

намерен избавиться от всех хозяйственных дел, требующих от него постоянных трудов и забот. «Мое намерение — освободить насколько это для меня возможно, от всякого бремени и забот»²⁷, — пишет он Буйе в связи с процессом, который начался с 1725 г. ведут против него жители общины Сесенона. Отказавшись от своих прав на получение пошлины, из-за которой начался этот процесс, он с удовлетворением напишет: «Я освобожусь от *тяжкого бремени*, хотя одновременно *очень большого богатства*...»²⁸ Продавая свои ренты и земельные владения, Мэран борется главным образом о том, чтобы приобрести как можно большую свободу, хотя и проявляет при этом определенный прагматизм²⁹. Но вместе с тем не скрывается ли здесь смутное понимание того факта, что богатство земельного собственника и научное исследование несовместимы? В этом смысле очень показательны, как цитированном выше письме от 1730 г. понятия «тяжкое бремя» и «большое богатство» поставлены рядом.

Необходимо также напомнить, что в доходах Дорту де Мэрана значительное место занимают побочные заработки. Известно, что ему покровительствуют регент и принц де Конти, которые поручали ему официальные миссии; в частности, в 1721—1722 гг. Мэран должен был посетить западные порты и определить, какой метод измерения емкостей является наилучшим. Наконец, канцлер Лавуазье назначил его одним из руководителей «Газеты ученых» (*Journal des Savants*)³⁰. Если прибавить к этому доходы, получаемые Мэраном от его произведений, то видно, что его материальное положение совсем неплохим.

Что означало это жизненное благополучие? Несомненно, в данном случае речь идет не столько о финансовом процветании, сколько о свободе от материальных трудностей, об интеллектуальной независимости. Социально-экономическая позиция Дорту де Мэрана весьма характерна для ученых Франции в XVIII в. Мэран — это не Бюффон, не Лавуазье и не какой-либо другой выдающийся ученый. Положение Мэрана — это средний случай иллюстри-

²⁷ Lettre de Mairan à Bouillet, 30.IV 1729.— «Bulletin...», p. 108; A. Op. cit., p. IV.

²⁸ Lettre de Mairan à Bouillet, 3.VIII 1730.— E. С а m p. Op. cit., p. 13.

²⁹ Lettre de Mairan à Bouillet, 30.IV 1729.— «Bulletin...», p. 108.

³⁰ Довольно трудно определить, какое жалование получал он на этом посту. Чтобы составить об этом некоторое представление, можно вспомнить, что аббат Арно и Сорель, возглавлявшие «Gazette de France», получали на этом посту 3000 ливров (см. «Mémoires de Bachaumont», t. 1, p. 108). Вопрос о доходах деятелей культуры — один из наиболее сложных и важных для социальной истории XVIII в.

и зависимость ученых от сильных мира сего. Это «полубогатство» сопровождается безразличием к материальным мелочам и не-венной филантропией, возможно, может быть, только потому, он унаследовал от своих родителей средний достаток. Но то, достаточно для провинции, недостаточно для Парижа, и разни-приходится получать от правительства или от меценатов из стократии³¹.

В конечном счете именно разрыв с первоначальной средой по-дил Мэрану утолить свой «книжный голод» эрудита и ученого. одав недвижимое имущество, этот «необычный» парижанин не жил полученные деньги снова в землю или тем более в ренану. ьги нужны Дорту де Мэрану только для того, чтобы жить ни в не пуждаясь и чтобы покупать книги и научное оборудование, авляющие часть его жизни. Постоянная переписка, которую поддерживает более пятидесяти лет со своим другом Буйе, в и плане очень показательна.

Буйе поручает ему покупать за его счет в парижских мага-ах книги, которых нельзя найти в Безье. Письма Мэрана — красное свидетельство циркуляции книг между столицей и па-ыми кругами провинции. Как видно при сравнении этой пе-ски с каталогом библиотеки Мэрана, парижанин обычно по-дет провинциалу те произведения, которые он уже приобрел себя. По ним письма мы можем восстановить картину по-евного быта парижской книжной торговли того времени и ее в обществе. Мы можем также проследить по ним изо дня в интеллектуальную связь между двумя учеными. «Я был у Ка-е, который является единственным книгопродавцом, получив-из Англии «Оптику» г-на Ньютона и продавшим много эк-ляров этой книги в Париже. Сейчас у него ее больше нет. Он сказал только, что должен получить эту книгу, и она уже в до- . Я куплю ее, как только она появится и направлю Вам путем, ый сочту наиболее быстрым, так как я вижу, что Вы хотите ыть ее как можно скорее. Я имею в виду второе издание этой и, в котором дополнительно рассматриваются несколько проб- в том числе делаются предположения о силе тяготения. лагаю, что Вы не захотите иметь первое издание. Впрочем, не слишком сильно отличаются друг от друга, и я могу Вам всем подробно рассказать, так как 4 или 5 месяцев тому назад Ньютон прислал эту работу в Академию наук, и именно мне

кое покровительство могло быть в какой-то степени косвенным. На-ример Мэран продает свои Сесепон принцу Конти, а не жителю Безье. Возможно, Конти хотел тем самым оказать ему услугу.

поручено изучить ее и сделать о пси доклад»³² Этот выразительный и во многих отношениях интересный текст показывает отношение к книгам их ждут, разыскивают, за ними охотятся, пытаются постоянную страсть к книгам, и в то же время они являются рабочим инструментом и проводником знаний. Некоторое время спустя Мэран преподносит Буйе экземпляр долгожданной книги. Даже спустя 45 лет «гоже самое нетерпение» охватывает двух друзей, теперь уже в ожидании астрономии Лаланда. Я думаю, что первый том уже издан и что второй, который в настоящее время подготавливается, вскоре выйдет. Я предполагаю, что будет прекрасная книга, я сегодня же буду говорить с ним об этом пока, по обыкновению, посылаю это письмо»³³

Каждый год Дорту де Мэран покупает для Буйе на 100-лифров книг или научного оборудования у книгопродавцов и парижских торговцев³⁴. Это относится в первую очередь к 1717-1740 гг., времени наиболее оживленной переписки³⁵. Особенно интересно отметить, что в некоторые годы вся пенсия Буйе идет на книги и оборудование. Логично предположить, что Дорту де Мэран мог затрачивать на покупку книг и инструментов более значительную часть своих доходов. Если он начиная с 1700 г. ежегодно тратил на них не менее 300 ливров, то его библиотеку и коллекцию следует оценить в 21 тыс. ливров. А продажа только библиотеки без коллекции и научного оборудования — 18 тыс. ливров. Традиционное «похвальное слово», произнесенное его преемником по Академии, гласило: «Он унаследовал некое состояние и смог полностью посвятить себя науке». Быть может, в данном случае это утверждение ближе к истине, чем обдумывают.

Среди ученых и писателей того времени (в так называемой «литературной республике») существует круг профессионалов, положение которых приближается к положению Мэрана. Это трудники литературы и науки, заполняющие парижские высшие учебные заведения, особенно Академию наук и Академию надписей, которые работают в исследовательских коллективных учреждениях, например Королевской библиотеке, Королевском ботаническом саду, позднее — хранилище хартий. Иногда они руководят нау-

³² Lettres de Mairan a Bouillet 26 XII 1719 et 12 IV 1729 — «Bulletin » 30

³³ Lettre de Mairan a Bouillet 6 VI 1764 — «Bulletin » p 215

³⁴ «Следовательно я Вам должен 500 ливров которые будут возмещены покупками которые я для Вас здесь сделал » Lettres de Mairan a Bouillet 18 IX 1732 20 V 1734 10 II 1728 — «Bulletin » p 88 127

³⁵ 76 писем из 98 написаны в 1720—1740 гг.

журналами и литературными газетами. Некоторые преподают в школах, на факультетах или в семьях знати. Все они рассчитывают на пенсии и пособия от правительства. Для них наука и литература — профессии. Лично их мало кто знает, известны только их работы. Эти рядовые армии знании заслуживают того, чтобы академия проявила к ним интерес. Показательно в этом отношении замечание, сделанное Монгесом в письме к президенту Барбо в 1742 г.: «Для Реомюров и Мэранов естественные науки пример того же, что для субарендатора — земельный участок»³⁶. Богатые таланты из дворянства, знаменитости парижской и провинциальной литературы смотрят не без высокомерия на каждодневных «мелких» ученых. Вопрос о том, какое социально-экономическое положение занимают те, кто называет себя людьми умственного труда, является одним из наиболее важных для изучения среды, в которой находят распространение идеи Просвещения³⁷. Наука, образование, литература являются зачастую не столько профессией, сколько способом заработать на жизнь или средством для карьеры. С их помощью скорее добиваются более высокого социального положения, чем больших заработков³⁸. Ученому не хватает вести жизнь бедняка, но большие доходы тоже имеют положительные и отрицательные стороны. Положительные — это личная свобода, ибо доходы ученого позволяют ему улучшить условия своей работы. Отрицательные заключаются в том, что свобода мысли и работа сопряжена с подлинной зависимостью³⁹ от правительства и сильных мира сего и влечет за собой жадность к деньгам и пенсиям, которая проглядывает, например, в мемуарах Монгеса.

Таким образом, парижская карьера провинциала Мэрана довольно типична. Продвижению в Париже способствуют его успехи в провинциальных академиях. Он трижды награжден академией Бордо — в 1715, 1716, 1717 гг. В 1718 г. он вступает в научное общество в Бордо, с которым поддерживает постоянные связи⁴⁰. Через некоторое время он становится членом Академии наук⁴¹. В 1719 г. он назначен геометром, получающим жалованье. В 1740 г. он предлагается заменить Фонтенеля на посту секретаря академии, по

³⁶ по P. Bagniere *L'Académie de Bordeaux* Bordeaux, 1951 p. 38

³⁷ A. Dupront *Op. cit.*, p. 223

³⁸ J. Proust *Diderot et l'Encyclopédie* Paris, 1964

³⁹ довольствие, которое мне доставила последняя милость г-на Реген-
⁴⁰ (см. *Lettre de Mairan à Bouillet*, 21 IX 1722 — «Bulletin», p. 50)

⁴¹ и же, стр. 56—110, 225—350

⁴² P. Dorveaux *Les membres et correspondants de l'Académie Roy-
des Sciences 1666—1773* Paris, 1931

в 1743 г. подает в отставку, потому что эти ответственные обязанности его обременяли. Высокая научная репутация позволяет ему в том же году стать членом Французской Академии Императорской академии Санкт-Петербурга, Королевские общества Лондона и Эдинбурга, Королевское общество в Уиссалы, Институт Болоньи и Руанская Академия заносят его в свои списки. Он завоевывает международную известность.⁴² Для Вольтера он — «большой философ»⁴³. Он поощряет лучшее парижское общество Г-жа Жоффрен, граф Келлюс дорожат его мнением.⁴⁴ Мажор встречается с ним Мальзербом и «несколько раз имеет удовольствие обедать у принца Конти»⁴⁵. Корреспондент Мальбранша, Монтескье (несмотря на разногласия), соперник Берпулли пользуется неоспоримой известностью.⁴⁶ Переписка, которую ведет с Буйе, а также с просвещенными кругами в Безье представляет большую ценность для раскрытия глубоких привязанностей Мэрана и проблем, вставших перед ним в связи с его пехом в Париже.

Буйе, бесспорно, мечтает пойти по стопам своего старшего брата.⁴⁷ Он просит Мэрана выяснить, можно ли устроиться в Париж и Мэран сразу же берет на себя роль его советника и покровителя. Мэран никогда не будет стыдиться своей родины и своего происхождения. Обещание дружески помогать Буйе, как и научным кругам в Безье, он дает в 1718 г. в одном из своих первых писем, никогда ему не изменит.⁴⁸

Тому есть много примеров. В 1721 г. Мэран дает советы относительно его книги о чуме в Марселе. В течение 40 с лишним лет он следит за его работами, исследованиями, успехами.⁴⁹ Ознакомит с работами своего друга парижские круги⁵⁰ и добь-

⁴² См. A. Dupront *Art et Société dans l'Europe du XVIII siècle* (multigraphie Paris, 1965—1966, p. 33 et suiv).

⁴³ «Voltaire's Correspondence» («Correspondance Generale de Voltaire») Besterman Geneve, 1954 (Lettres N 208 216 556 686 1146, 1162 1542, 1692, 2287, 2294 2300, 2307, 2325 2428 3223, 3352 3516 3565 9138, 11496). Всего 17 писем Вольтера Мэрану и 5 писем Мэрана к Вольтеру. Мнение Вольтера о Мэране выражено в известной фразе: «Я знаю никого, кто умел бы глубже изучить вопрос и лучше его решить».

⁴⁴ См. Lettre de Mairan a Bouillet, 19 XII 1764 — «Bulletin » p. 219.

⁴⁵ См. Lettre de Mairan a Bouillet 13 II 1764 — «Bulletin » p. 214.

⁴⁶ J. Moreau Malesbranche *correspondance avec Dortous de Mairan* 1947.

⁴⁷ См. Azais *Op cit*, p. 5. Буйе родился в 1698 г.

⁴⁸ См. Lettre de Mairan a Bouillet, 5 IX 1718 — «Bulletin », p. 23.

⁴⁹ Там же, стр. 23, 25, 34, 35.

⁵⁰ См. Lettre de Mairan a Bouillet, 6 VII 1722 — «Bulletin », p. 48.

его званием члена-корреспондента Академии наук⁵¹. Для Буйе освещенных кругов г. Безье он — живое воплощение их преданий об успехе в столице Мэран принял на себя роль вдохителя, советника и покровителя. Для этого круга людей он в первом роде олицетворяет далекие парижские инстанции. В области литературы и науки он также хлопочет по делам, связанным интересами жителей Безье, как это делает епископ в сфере религиозных, а иногда и светских дел, и как делают это некоторые ставители дворянства и администрации в юридических или гражданских вопросах.

Так, в 1722 г. Мэран вместе с Буйе и каноником Порталоном⁵² трудится в создании Академии в г. Безье. В Париже он старается получить необходимые патенты. В письмах к Буйе он так пишет о Академии⁵³: «Но, скажу Вам честно, я не думаю, чтобы было необходимо публиковать все эти мелочи⁵⁴, и я хотел бы, по крайней мере для начала, чтобы вновь основанная Академия Безье публиковала бы только все наиболее интересное и хорошо обработанное, так как репутация складывается из этих первых шагов. Именно поэтому я не слишком тороплюсь с получением для патентов, ибо мне кажется, что их и так дают больше, чем следует. Что даст вам название «академия»? Сегодня все вокруг носит название, и оно способно скорее навлечь на Вас насмешки, чем вызвать уважение, если только оно не основано на каком-либо значительном открытии или работе, действительно достойной уважения. Зарекомендуйте себя в обществе и вы увидите, что вслед за вами почетные звания и способные люди придут к вам сами и принесут вам столько же уважения, сколько и пользы. Одним словом, я считаю, что надо отличиться от всех других академий, существующих ничего или почти ничего и превращающих свою работу в пустую забаву, которую не следовало бы выставлять на обозрение широкой публики».

Внимательно наблюдая за возникновением множества провинциальных академий, Дорту де Мэран видит, в чем их назначение. Вместо поставляя «пустые забавы» узкого мирка провинциальной элиты к тому ожиданию научных открытий, с каким относилась к работам «широкая публика» в самой Франции, а также во всей Европе, он указывает провинциальным академикам на их задачи.

Lettre de Mairan a Bouillet, 23 V 1722 — «Bulletin .», p 43—46.

Lettre de Mairan à Bouillet, 1 IX 1727 — «Bulletin », p 79—80

и же
идет об астрономических и метеорологических наблюдениях, сделанных Буйе и членами Академии г. Безье.